

Развитие Сакуры начало стремительно расти вскоре после ее дня рождения. Продолжительная практика, наконец, позволила ей общаться, и сразу после того, как она начала говорить без перерыва (очевидно, это нередкая реакция в семье Яманака). Вскоре она обогнала Кохану в способностях, легко сумев связать вместе трех или четыре слова, даже если грамматика была более чем сомнительной. Она также начала «исследовать» или «убегать», в зависимости от того, кого вы спрашивали, и быстро познакомилась со всеми непосредственными соседями своей семьи и попыталась подружиться с каждым человеком, животным и растением, с которым встречалась. В процессе достижения этой цели она нашла качели на дереве, построенные для кого-то ее возраста, и теперь проводила большую часть каждого дня, пытаясь убедить одного из своих старших братьев и сестер взять ее с собой покататься на них.

Это привело к довольно резкому изменению отношения к ней, которое в то же время почувствовала Кохана. Их дни больше не сводились к играм часами подряд; вместо этого Каа-сан учила их ловить и бросать мячи, заставляла их соревноваться друг с другом в поле за домом и учила их жестикулировать руками, даже если она явно не ожидала, что они смогут их выполнять. в ближайшее время.

Оба были также обучены пользоваться туалетом рядом друг с другом, и им больше не разрешалось звонить посреди ночи, если только это не было чрезвычайной ситуацией — Каа-сан сказал, что их братьям и сестрам, которые отвечали за ночные проверки, это было необходимо. тоже спать.

Их грамматику также исправляли, почти постоянно, и они должны были просить о чем-то, прежде чем получить это, независимо от того, что это было. Казалось, что каждый момент их дня внезапно и необъяснимо стал более трудным — не обязательно трудным, но утомительным.

В этом Сакура и Кохана быстро сблизилась. Кохана часто пробиралась в кровать Сакуры, когда та просыпалась испуганной, и Сакура всегда приносила Кохане любой новый блестящий предмет, который она находила, для идентификации (ее мать, по какой-то причине, всегда больше беспокоилась о том, где она взяла его, чем о том, как его зовут). был.)

Их резкая разница в размерах, похоже, не беспокоила Кохану, поэтому Сакура не позволяла этому беспокоить ее. Однако это немного обеспокоило Фудзио. В три года он был заметно выше, более скоординирован и более последователен, чем любой из них, но по мере того, как они оба продолжали двигаться вперед по цепочке развития, они начали больше участвовать в уроках Фудзио, в то время как его бывший партнер, пятилетка... старого Аяме готовили к отправке в школу через несколько месяцев вместе с несколькими другими членами их клана.

Фудзио это не понравилось. Он часто крал обе их игрушки и очень расстраивался из-за того, что «его» забрали Каа-сан, особенно учитывая, насколько близок был срок рождения новорожденного. Каа-сан, конечно, дисциплинировал его, и Фудзио всегда извинялся (и в значительной степени имел это в виду), но Сакура видела, что их быстрое развитие также пугало его. Однако Каа-сан разговаривала с ним каждый раз, когда он делал что-то плохое, поэтому Сакура не позволяла этому беспокоить ее.

И вообще, Кохана была гораздо интереснее.

Когда Сакуре было четырнадцать месяцев, родился малыш.

Каа-сан отправилась в больницу, чтобы родить шестую дочь Химари, и не уезжала четыре месяца. Вместо этого десять братьев и сестер, которые все еще жили дома, переехали к своей тете Хине, а кровати были сдвинуты вдвое и втрое, чтобы освободить место для всех.

Сакура плакала.

Много.

Некоторым помогли переданные Арден воспоминания и осознанность, дав ей больше опыта в преодолении трудностей, плюс ей сказали, что ее мать вернется, когда сможет, и что Сакура знала, что она встречала свою тетю раньше и ей она нравилась, но это было настолько сложно, что это было трудно объяснить. Каа-сан была якорем Сакуры, а ее якорь исчез.

Середина лета принесла следующий семестр Академии, а вместе с ним и некоторые изменения. Сначала Саюри ушла. Она заявила, что ей тринадцать, и она и ее подруга Нара Юа вполне способны позволить себе квартиру на двоих. Сакура думала, что это больше связано с тем, что теперь она делила комнату не только с Акиной, но и с двумя старшими дочерьми тети Хины, одна из которых была сильно влюблена в парня Саюри, а другая почти так же ненавидела стесненные условия жизни, как сама Саюри. Во-вторых, Аой бросил Академию. Что-то в этом казалось... неправильным, особенно учитывая, что раньше он не выказывал неуверенности в том, станет ли шиноби, но ее и остальных ее братьев и сестер предупредили не подвергать сомнению это. Вместо этого он стал учеником торговца, вот и все. Он тоже уехал,

Однако Каэде, Камуи, Акина и Арато остались в Академии, а Аяме был достаточно взрослым, чтобы присоединиться к ним. Только Камуи подумывал уйти, и Каа-сан, очевидно, попросил его потерпеть еще один семестр, прежде чем принять решение.

Что касается тех, кто оставался дома в течение дня, поведение Фудзио ухудшилось настолько быстро, что его поместили в число будущих студентов Академии в надежде, что его худшие результаты либо заставят его смягчиться, либо заставят его работать достаточно усердно, чтобы не отставать. . Кохана и Сакура, с другой стороны, обучались вместе с младшими сынами тети Хины (группой мальчиков-близнецов, которые, хотя и ревновали, не видели такого же ухудшения поведения, как Фудзио).

Жизнь продолжалась.

Лишь в сентябре Каа-сан вернулась домой, держа в руках четырехмесячный комочек по имени Химари. Тоу-сан был рядом с ней, и хотя Сакура и Кохана почти не узнали его, старшие дети встретили его довольно дружелюбно. Вся семья вскоре снова заправила свои постели в собственном доме — за исключением, конечно, троих старших, но они по-прежнему регулярно навещали его.

Той ночью каждый ребенок кричал, чтобы рассказать Каа- и Тоу-сану истории своей жизни, и Сакура улыбалась, наблюдая, как ее родители смеются и пытаются заставить говорить только одного из них одновременно. Ей нравилось слушать о проблемах Рена с сантехником и его новой девушке (дочь сантехника, как ни удивительно). Она хихикнула, слушая затянутые объяснения Саюри о ее разрыве с Юмой Инузукой и о том, как она не могла поверить, что встречалась с ним в первое место. Хотя Аой хранил молчание, Сакура все еще была рада видеть его, и ее родители явно чувствовали то же самое — они явно знали, что происходит, даже если Сакура этого не знала.

Каэде умоляла помочь ему подготовиться к финалу Академии, а Камуи рассказал о ресторане Акимичи, готовом предложить ему стажировку. Акина жаловался на то, что ему приходится ходить на уроки Куноичи, а Арато жаловался на то, что ему не разрешают их посещать — вместо этого у мальчиков были свои уроки, но они не охватывали один и тот же материал. Аяме

стонала по поводу всего и вся, но больше всего из-за того, что в школе было скучно, а одноклассники — отстой. Каа-сан цокнула языком, и Тоу-сан предупредил ее, что ее мнение, вероятно, изменится в ближайшие годы.

Фудзио, на удивление, был в фантастическом настроении и очень подробно описал все, чему он научился у дяди Харуто, и как дядя Харуто думал, что он сможет войти в эту зиму, если То-сан и Каа-сан согласятся (Они сказали, что они думаю об этом.)

Наконец, настала очередь Коханы и Сакуры, и они ходили туда-сюда, объясняя каждую мелочь, которую они сказали и сделали за последние несколько месяцев («а потом я увидел гусеницу!», «а на следующий день я нашел многоножку». !»), что в конце прозвали «фальшивыми близнецами, версия 2».

«Я бы сказал, что в твоём случае это больше связано с личностью, чем с внешностью!» Тоу-сан рассмеялся. В конце концов, первые фальшивые близнецы — Каэде и Камуи — возможно, и выглядели одинаково, но на самом деле они были настолько разными, насколько это возможно.

На следующий день, после пробуждения Коханы и Сакуры в восемь (время, которое постепенно уменьшалось до половины пятого по мере того, как они приближались к академическому возрасту, даже если их время сна, 20:00, оставалось прежним), Тоу-сан взял два из них вышли в поле, чтобы проверить свои успехи.

«Хорошо, девочки. Я знаю, что твоя мать в бою немного лучше меня, но я не лишен своей пользы. Сегодня мы собираемся рассмотреть все физические основы, которые вы должны знать, прежде чем вы поступай в Академию. Но не волнуйся, спешить некуда, я просто подумал, что тебе нужен обзор».

Это было... неожиданно. Сакура была почти уверена, что Фудзио не предоставили такой возможности.

Тоу-сан сначала пробежался по всем группам мышц, большая часть которых была взята из воспоминаний Арден, но с разными названиями. Затем он рассмотрел их требования к физической подготовке. Они должны были пробежать с минимальной скоростью 25 раз подряд и пробежать милью с несколько меньшей скоростью (хотя Тоу-сан не упомянул, какова была скорость), и они должны были пробежать как минимум 15 раз подряд. сгибания, отжимания и другие упражнения на растяжку (То-сан показал их все, но назвал лишь некоторые, а в воспоминаниях Арден не было большинства из них) и доказать, что они могут висеть на поручнях определенное время. время. Помимо этого, стандарты Яманака также подчеркивали способность выполнять ряд акробатических трюков, включая кувьрки и стойки на руках.

Хотя Сакура не знала, почему ее отец показывал ей и Кохане все это, непосредственный эффект от этого взволновал двух девочек так же, как Фудзио на уроках перед Академией — они провели остальную часть времени, которое должны были провести в тренировках, имитируя Тоу-сан в меру своих способностей и позволял ему брать их на руки и целовать синяки, когда они терпели неудачу.

Однако после этого в их графике произошло еще одно изменение. Обычно тренировки длились с девяти до одиннадцати тридцати каждый день, затем следовал час обеда и игры и полчаса уборки. Примерно в час их обучали манерам в течение получаса, затем следовал сон, затем полчаса семейной истории (на самом деле это было просто запоминание свитка, в котором содержалось генеалогическое древо Яманака), а затем еще час игры. затем следовали полчаса математики, затем еще игра, а затем полчаса-час чтения (за эту часть отвечали ее старшие

братья и сестры, и их количество времени и усилий сильно различалось по времени и усилиям, которые они были готовы потратить на чтение). в), затем игра до ужина, подготовка ко сну и укладывание спать.

Судя по всему, все должно было измениться.

После продолжительного, чем обычно, урока семейной истории, когда Кохана и Сакура, как обычно, повернулись, чтобы выбежать, руки матери на их плечах остановили их. Вместо этого их провели обратно на свои места, и урок математики начался немедленно. После очередного, более продолжительного, чем обычно, урока математики, когда глаза Сакуры начали опускаться, а у Коханы дела шли не намного лучше, им наконец дали время поиграть.

Пока она и Кохана строили мир из палочек, где каждый клан на самом деле состоял из животных, которые, по их мнению, их представляли — среди них олень Нара, журавль Яманака, корова Акимичи, обезьяна Сенджу и кот Учиха — Сакура пыталась понять, почему они казались теперь его толкают быстрее. Насколько она знала, никакой войны не было, и ее родители, похоже, не слишком возражали против плана Камуи бросить учебу в конце семестра, так почему же нагрузка на нее и Кохану внезапно возросла?

Через час их игра снова была прервана, на этот раз из-за нового занятия о растениях, о котором они еще даже не затронули.

К концу урока настало время ужина, и Сакура отложила свои размышления на ночь.

Однако к концу следующей недели стало совершенно ясно, чем занимаются ее родители. Ее развитие за несколько месяцев до и через месяц после ее первого дня рождения было почти чудесным образом быстрым, поскольку она собирала и использовала все знания, которые ей давали, с благодарностью возвращая огромное количество информации Арден обратно с кусочками и кусочками, действительно важными для нее. повседневная жизнь. Однако, как только она начала обучаться у Коханы, она запнулась, и ее развитие в конечном итоге замедлилось, чтобы соответствовать развитию ее сестры - в конце концов, зачем Сакуре продолжать усердно стараться, если она могла поддерживать тот же уровень обучения и обрести лучшего друга по ходу дела? способ? Это не было сознательным решением,

И каким-то образом ее родители это поняли.

Итак, увеличение количества тренировок и сокращение времени в сутках исключительно для игры? Это было в ее интересах, а не в интересах Коханы. По прошествии недели Кохана начал отставать все больше и больше, ему было трудно попытаться подняться, и поэтому он вообще не удосужился попытаться. Сакура, однако, не смогла слишком долго скрывать свое понимание материала, и вскоре пропасть между двумя девушками начала расти.

К тому времени, когда с дерева упали последние листья, уроки Коханы и Сакуры полностью разошлись: Кохана имитировала то, что у них было до возвращения родителей, и их учил Тоусан, в то время как Сакура занималась один на один (с малышом Химари дает столь необходимые перерывы) уроки с Каа-саном.

Расстроенная этим изменением и отчаянно пытаюсь найти что-то, что могло бы ее утешить, Сакура обратилась к воспоминаниям Арден как к облегчению.

За последние двадцать месяцев, за всю свою жизнь, Сакура ни разу сознательно не прикоснулась к той массе информации, которую ей навязали. Кое-что вытекло наружу, как во время первоначального наводнения, так и со временем: кости и мышцы и то, как они работали

сегодня, фотография улыбающейся рыжеволосой девушки на следующий день, затем «Как измерить наклон», затем легендарный Саннин и так далее. но она в определенной степени была в состоянии оградить себя от большей части этого и запечатать все, что вышло обратно, когда бы она ни могла. Когда утечка все-таки произошла, у нее начались головные боли – это было одновременно болезненно и очень тревожно для ее родителей, поэтому Сакура постоянно работала над тем, чтобы максимально свести утечки к минимуму.

Это был такой непростой проект, целая жизнь воспоминаний. Она знала, что Ардену было двадцать, когда она умерла. Разница между двадцатью месяцами и двадцатью годами воспоминаний была существенной, и Сакура не верила, что сможет справиться с горой, когда у нее уже были проблемы с мухой слона.

Но отчаянные времена требовали отчаянных мер, и когда Сакуре приказали вставать в 7:30, а Кохане разрешили спать до 8:30? Это были отчаянные времена. Ей нужно было больше понимания ситуации, чем то, на что был способен ее нынешний разум, поэтому пришло время посмотреть, на что способны остатки Ардена. Осторожно, мучительно медленно она разрушила барьеры своего разума.

Сакура подавила крик. Ей, вероятно, следовало спланировать это лучше, чтобы она не волновалась по необъяснимым причинам посреди своего послеобеденного сна (технически больше не запланированного, но все равно всегда происходящего во время игры). спрашивая, что случилось, пока Химари плакала до конца кормления в углу. Слезы защипали глаза Сакуры — это было слишком много, слишком много, слишком много, и она не знала, как объяснить, как остановить этот поток информации, мыслей и чувств, который взял верх, и это было слишком много, слишком много, слишком много, почему бы и нет. оно останавливается, почему оно не остановится, почему, почему, почему(как она забыла, что Арден устранил все физические ощущения, когда она это сделала? Как она сочла это хорошей идеей?) и что бы она ни делала, это не останавливалось, даже не замедлялось ...

Сакура открыла глаза и увидела белый потолок.

Она пошевелилась, повернувшись боком. Она вернулась в больницу, но в новой палате — с кроватками для детей постарше. Сквозь стены клетки она видела, как разговаривают ее родители и врач, тот же, что и в прошлый раз, хотя слов она не могла разобрать. Саюри потеряла сознание в кресле рядом с кроваткой, одна рука безвольно свисала внутри, а вокруг маленького матраса были разбросаны некоторые из любимых игрушек Сакуры. Сакура надеялась, что не впала снова в кому – она была почти уверена, что именно это и произошло в прошлый раз – но, похоже, это было не так. По крайней мере, Саюри выглядела так же.

— Привет, Саюри... — пробормотала Сакура. Ей было трудно говорить, из-за усталости любое движение было затруднено, но она была рада, что заговорила, когда сестра резко проснулась и схватила ее широким движением, прижав к груди.

«О, Сакура. Почему ты всегда нездорова?» Она пробормотала. Ее движение привлекло внимание родителей и врача, и теперь они склонились над Сакурой, пока доктор проверял ее рефлексы и светил ей в глаза.

«Теперь она выглядит хорошо... возможно, измученной, но в остальном все в порядке. Сакура, любимая, ты можешь рассказать нам, что случилось?»

— Слишком много, — сказала Сакура. Доктор говорил очень громко, поэтому ей не очень хотелось отвечать, но, возможно, если бы она это сделала, он бы ушел, и она смогла бы снова

прижаться и поспать.

«Что было слишком много?» – спросил доктор.

"Все."

Она уснула прежде, чем он успел ответить.

Когда она снова проснулась, это произошло из-за ссоры между ее врачом и родителями. Саури ушла, но Каэде была рядом, решительно игнорируя повышенные голоса и вместо этого пытаясь читать учебник.

— ...лучший вариант! Ты продолжаешь так говорить... как будто у тебя есть какие-то доказательства! Ты понимаешь, о чем нас просишь?! Это кричал Каа-сан.

«Я понимаю ваше беспокойство, но...» Это, должно быть, доктор.

«Наше беспокойство?! Наше беспокойство?! На одном дыхании вы говорите нам, что ощущение чакры привело ее в такой беспорядок, а на следующем вы говорите, что хотите заставить ее чувствовать чакру!»

«Проблема», — вздохнул доктор (Сакура была совершенно уверена, что это не первый раз, когда он это объясняет), — «в том, что ваша дочь продолжает случайно активировать свое чувство чакры в том возрасте, когда она не способна с этим справиться, понимая, что она не может справиться с новыми ощущениями и заставляет ее отключиться через кому. Это нездоровый способ справиться с этим, и если мы сможем заставить ее чувство чакры включиться, не позволяя ей принудительно выключить его с помощью потеряв сознание, тогда ваша дочь сможет понять, как с этим справиться, и отключиться менее тревожным способом».

— Не можешь... не можешь просто выключить его навсегда? — спросил Каа-сан. «Заставить ее никогда не сталкиваться с болью?»

«Если бы я мог, я бы сделал это», — сказал врач. «Но это будет означать отключение части ее чакры, что всегда сопровождается невероятно серьезными побочными эффектами. Это действительно лучший путь вперед, тот, который позволит Сакуре в целом испытывать наименьшую боль. Не говоря уже о том, что было бы лучше сделайте это сейчас — такие маленькие дети, как она, обычно теряют большую часть своих воспоминаний с этого возраста, что повысит вероятность того, что она вообще не вспомнит этот инцидент».

«Она гениальный ребенок», — пробормотал отец Сакуры. «Я думаю, она это запомнит».

Они вышли из комнаты.

Сакура уставилась в потолок. В ее кроватке не было мобильного телефона, но в обеих соседних кроватках он был, и она бегала глазами взад и вперед, пытаясь решить, нравится ли ей абстрактная кроватка с простыми раскрашенными металлическими фигурами или та, что с полдюжиной деревянных животных. лучше.

Каэде начала храпеть. Сакура больше не думала, что он читает учебник.

Она осторожно села. Она чувствовала себя хорошо, хотя трубка, подсоединенная к ее правой руке, была немного неудобной. Она подумала было вытащить его, но решила не делать этого.

Вместо этого она повернулась к своей мягкой гусенице Псу (по крайней мере, ей это показалось забавным) и заставила ее маршировать по краю кровати. «Я голодная гусеница и ем...»

Она посмотрела на остальные свои игрушки, прежде чем схватить мягкую обезьянку Морковку. «Я ем морковку!» Она соединила две игрушки вместе и засмеялась. «Тогда Кэррот попробуй съесть меня!»

«Они... пытаются съесть друг друга?» — спросила Каэде. Упс. Похоже, она его разбудила. Ну ладно, по крайней мере, так они могли играть.

«Ты — Кэррот», — сказала она, толкая ему обезьяну. «Я — Собака».

Каэде моргнула. Сакура не могла вспомнить, знаком ли он раньше с ее странным стилем именования, но она не могла заставить себя волноваться. Пришло время Псу поесть. "Я голодная гусеница!" Сакура закричала и атаковала. Каэде ласково фыркнула, но послушно держала обезьяну, как будто она сопротивлялась.

В следующий раз, когда она проснулась, Сакура ни к чему не была подключена, но она была в другой комнате, а Каа-сан держал ее и плакал. Сакура оглядела маленькую комнату, пока взрослые продолжали говорить.

«Сколько времени это займет?» — спросил ее отец.

«На самом деле мы не знаем», — сказал врач.

«Это... это действительно то место, где оно...» — заикалась ее мать.

«Мы находимся на тренировочной площадке, известной низким содержанием чакры», — объяснил доктор. «Было бы лучше не перегружать ее».

Комната была простой — шесть сторон белого цвета, с дверью на одной, нарушающей однообразие, и странным столом посередине, под которым стояли коробки. Доктор против ее воли отобрал Сакуру от матери и положил на стол, прежде чем он вытащил что-то из-под стола — странное одеяло.

Мать Сакуры ахнула, но Сакура не могла понять, что это было. Она думала, что Арден мог знать, но ей также не хотелось снова пытаться использовать воспоминания, поэтому она просто с любопытством смотрела на них, пока доктор обматывал их вокруг нее. То есть она с любопытством смотрела на него, пока он действительно не начал привязывать его на место. Она извивалась, раздраженная, поскольку все возможные движения ее рук и ног были ограничены, и начала скулить, когда разные странные ремни удерживали ее голову на месте.

«О, я знаю, я знаю, дорогая», — проворковала ее мать. "Знаю, знаю."

«Скоро все закончится», - добавил ее отец. Доктор издал скептический звук, который мало чем успокоил Сакуру. Ее отец сердито посмотрел на него. «Мы будем с тобой все время».

«Хорошо», — сказал врач. Сакура впервые заметила, что он Яманака, хотя прямые светлые волосы и странные глаза Яманаки должны были выдать его. «Я собираюсь частично открыть ее первые врата, чтобы она не потеряла сознание, а затем разблокирую ее естественные сенсорные способности».

Сакура не переставала плакать.

"Давай начнем."

Доктор коснулся ее головы двумя пальцами и сосредоточенно закрыл глаза. Сакура вскрикнула, когда ощущение покалывания начало проникать в ее мозг, и как бы она ни старалась уйти от него, она не могла — она вообще не могла пошевелиться. Другое ощущение, еще более жгучее, взяло верх, но оно быстро исчезло, поскольку внезапный прилив чего-то заставил каждую часть ее тела почувствовать себя набитой, как будто она вот-вот взорвется. Она зажмурилась и начала кричать, почти не чувствуя, как доктор отнял пальцы и снова приложил их к основанию ее шеи, поглощенный необходимостью высвободить сдерживаемую внутри нее энергию и не имея возможности сделать это.

Затем-

Когда Сакура попыталась получить доступ к воспоминаниям Арден, ей показалось, что она держала лист бумаги с отверстием, через которое должна была выходить вода, против крана информации. Это было много, слишком много, но вода уже была сжата — ограничена в объеме, который она могла протолкнуть в ее мозг даже до того, как она попыталась остановить поток. Этот? Это было больше похоже на то, как если бы ты держал ту же самую бумагу напротив океана .

Ее крик стал пронзительным и не прекращался, пока ее голос не пропал, и даже тогда она все еще пыталась шуметь, пыталась передать, как сильно это больно, пыталась положить этому конец, потому что это было слишком много, слишком много, слишком много, слишком много . слишком много, слишком много, почему, почему, почему, почему, почему, почему, почему, почему слишком много, почему слишком много, почему слишком много, стоп, стоп, стоп, слишком много, стоп, почему слишком много, почему, почему, почему стоп, пожалуйста, пожалуйста, прекрати слишком много, почему—

Сенсация закончилась.

«Мы продолжим завтра», — сказал мужской голос, и затем она потеряла сознание.

После рождения Сакуре потребовалось некоторое время, чтобы почувствовать время. Когда она наконец получила эти знания, значительная часть ее энергии была потрачена на защиту этих знаний и их использование, когда это было возможно. Способность определять время — определять, сколько времени занимает что-то, когда что-то будет, каков распорядок дня — была тем, что Сакура считала бесконечно полезным, и поэтому носила ее близко к груди как одно из своих главных достижений (потому что получение этого далеко не было легким делом, особенно учитывая трудность счета даже до двадцати четырех.)

Это достижение пропало.

Сакура понятия не имела, сколько времени прошло между тем первым несчастным днем и следующим моментом, когда она пришла в сознание. Все, что она знала, это боль, перемежающуюся между ними. Она не помнила, чтобы ее кормили, переодевали или купали. Она не помнила, где она была, с кем она была и почему она была здесь. Боль, всепоглощающая боль, завладела всем ее вниманием и не оставляла времени ни на что другое — даже на само время.

Однако по мере того, как это продолжалось, боль постепенно начала уменьшаться. Медленно подавляющее количество ощущений со всех сторон начало рассеиваться, когда она образовала

стены против его ливневой силы, и многие сигналы, постоянно посылаемые в ее мозг, начали исчезать. Чем дольше она страдала от боли, тем более привыкала она к этим ощущениям, пока, наконец, только три вещи, которые действительно двигались и менялись вокруг нее, все еще вызывали у нее ощущение, будто ее голову разрезали пополам, и даже это медленно рассеивалось, медленно блокировалось ее новой ментальной стеной.

Однажды она заметила, что послышался мужской голос, который напевал. В следующий раз, когда она пришла в себя, она почувствовала, как рука потерла ее лоб, стирая с него пот. По мере того, как она медленно возвращалась в сознание, она также стала меньше кричать, ее леденящие кровь (хотя и совершенно тихие, приглушенные из-за чрезмерного использования) крики в конечном итоге превратились в вздрагивания всего тела, затем в хныканье, а затем в простые слезы.

«О, Сакура», — сказала ее мать, когда она впервые перестала плакать. Этот человек — злой, злой человек — на некоторое время прекратил эти ощущения, и конец страданий позволил ей наконец увидеть лица своих родителей.

Дела у них шли не очень хорошо.

Длинные светлые волосы ее матери выглядели так, словно не знали, что такое кисть, а глаза были такими налитыми кровью, что почти красными. Ее одежда тоже была такой же, какой Сакура помнила ее в прошлый раз, но она была почти уверена, что это произошло не только потому, что это был тот же день. Рядом с матерью стоял ее отец, чье чисто выбритое лицо теперь покрывала щетина, а обычно подстриженные каштановые волосы теперь плясали вдоль кончиков ушей. Она заметила, что его рука лежала на ее ноге, а рука ее матери обхватывала ее голову — по-видимому, выбритая наголо. Она задавалась вопросом, когда это произошло.

— Мама. Чичи, — выговорила Сакура.

«Сакура», — простонал ее отец.

«Пришло время начать все сначала», — сказал злой человек в углу, и ее мать заплакала.

Сколько бы времени ей ни понадобилось, чтобы привыкнуть к постоянной сенсорной перегрузке, это все же произошло, и, к ее удивлению, Сакура обнаружила, что ее (к счастью, ее сенсоры были отключены, а стены твердо подняты) вывели из здания вскоре после того, как она в первый раз прошел сеанс вообще без слез.

«Нам потребуются регулярные встречи, — говорил доктор, — но я порекомендую для этого одну из моих коллег. Боюсь, ее воспоминания обо мне будут не очень приятными. Я бы также предложил ей успокоиться. в течение следующих трех месяцев или около того - скажем, до ее третьего дня рождения. Дайте ей восстановиться и постарайтесь сначала не напрягать ее каким-либо образом, затем постепенно начните работать над тем, что вы заставляли ее делать до того, как это произошло. Вы должны помнить, что она не открыла ей чувство чакры, потому что его было слишком много — они, вероятно, были совершенно не связаны».

Мама и Чичи издавали соответствующие звуки, но было ясно, что они почти не слушали. Сакура надеялась, что злой человек записывает все, что бы это ни было, если это было важно. Она не хотела, чтобы у него было хоть одно оправдание, чтобы увидеть ее снова.

К тому времени, как они добрались до дома, уже давно стемнело, и большинство ее братьев и сестер крепко спали. После непродолжительной ванны ее осторожно уложили в ее постель и уложили.

«Спи спокойно, маленькая Сакура», — сказала ее мать. Отец поцеловал ее в лоб, и они задержались у двери, прежде чем внезапно исчезнуть. Сакура вздохнула и закрыла глаза. Возможно, теперь она сможет хорошо выспаться.

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3288485>